

Библиографические ссылки

1. Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. Ташкент : Фан, 1981. 116 с.
2. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сборник / Под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М. : Прогресс, 1990. С. 387-415.

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ НА СТИЛЬ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ

Е. О. Федутник

Научный руководитель М. С. Рогачевская, доктор филологических наук, доцент

*Минский государственный лингвистический университет
Минск, Беларусь*

Эмигрантская проза – особый виток развития мировой литературы. Эмигрантская литература постсоветского пространства чаще всего связана с феноменом литературы изгнания (на территории Беларуси это А. С. Пашкевич, В. В. Быков, А. С. Рязанов; в России – В. В. Набоков, А. И. Куприн, И. А. Бунин и т.д.). Ж. А. Зайончковская уточняет, что эмиграция начала прошлого столетия носила вынужденный характер и связана, прежде всего, с социальными событиями, такими как Первая мировая, Гражданская и Вторая мировая войны; поэтому бедность, голод, политические репрессии, дискриминация нашли отражение в мемуарах писателей-эмигрантов.

Стоит отметить, что тематика данных работ имела свою специфику и не всегда приходилась по вкусу представителям других культур. По словам М. Рубинс, например, русские писатели-эмигранты во Франции не могли рассчитывать на постоянный доход от переводов своих произведений, поэтому, чтобы привлечь дополнительную аудиторию, некоторые из них начинали писать непосредственно по-французски [3]. Как следствие, претерпел изменение язык, образность, авторский стиль, даже географическое положение действий произведений. Но, несмотря на отсутствие массовой читательской аудитории, переход на другие языки, использование языков-посредников, двуязычие, интеграцию нового (порой, нежелательного) опыта авторов в реалии их культур, многие критики и ученые считают, что эмигрантская проза имеет большое литературное и культурное значения.

Одним из представителей эмигрантской прозы является Морис Хиндус (1891-1969) – выходец из Российской Империи. Будущий писа-

тель родился в деревне Большое Быково под Слуцком (ныне Беларусь) в еврейской семье. Свое детство и родные места он вспоминает с теплотой, однако под гнетом антисемитизма в 1905 году его семья вынуждена переехать в США. Сферы деятельности и интересов М. Хиндуса затрагивают русскую литературу и историю русского крестьянства; автор также не понаслышке знаком с земельным трудом простого деревенского жителя. Получив степень доктора в Гарварде, М. Хиндус продолжал активно изучать русскую культуру, посещать родину и много писать. Как отмечает И. В. Кабанова, «Хиндус смотрел на Россию через призму своих научных интересов» [2, с. 46].

Произведение «Красный хлеб» (*Red Bread*, 1931) снискало славу самой значимой книги-свидетельства коллективизации. «Хиндус выносит в заглавие английский перевод сталинского обозначения начала первой пятилетки [...] Это книга более амбициозная, предлагающая всесторонний очерк состояния дел в России 1929-1933 гг. Автор старается передать англоязычному читателю живое ощущение пребывания в стране большевиков» [2, с. 48].

С точки зрения языка и переводческой деятельности, эмигрантская проза такого типа требует особого подхода. Важно не только максимально точно передать те или иные понятия чужой культуры, сделать их доступными для иностранного читателя, но и учесть стилевые компоненты. По словам З. Е. Зиника, эмигрантская литература по своей изначальной затее была «переводной», потому что разъясняла, просвещала о тех или иных реалиях [1]. Однако в данной ситуации возникает ряд потенциальных проблем перевода.

Национально-специфические реалии. Как пишет А. В. Федоров, национально-специфические реалии многочисленны в рамках каждой культуры и могут быть установлены различные их группы по признаку принадлежности к той или иной сфере материального быта, духовной жизни человека, к миру природы и т. д. [4, с. 170]. Более всего «Красный хлеб» изобилует реалиями общественно-политической деятельности, например: *koolacks*, *seredniaks*, *bedniaks*, *tovarishch*, *izvoshtchik*, *vreditel*, *bourzhui*, *pomeshtchiks*. Отдельного внимания заслуживают такие понятия как *muzhiks*, *babas*, *samouchka*, *shishka*, *nochlezhniki*, *nachalstvo*, *svoyevolniki*. Разговорные клише переданы М. Хиндусом с помощью приема транслитерации, который широко распространен в русской переводной литературе и в оригинальных произведениях: *ciechas*, *ceichas*; *poshaluista*; *bezobrazie*, *bezobrazie!*; *pali!*; *bozhe moy*; *hospodi pomilui*; *nu*; *ekh*. Напомним, что транслитерация необходима для соблюдения лексической краткости обозначения, но важно учитывать, насколько важна передача этой специфичности, чтобы не допустить перегруженности

художественного текста иностранными заимствованиями и засорению языка-оригинала.

Безэквивалентная лексика. К. И. Ковалева отмечает, что мнения переводчиков в вопросе передачи безэквивалентной лексики зачастую расходятся: одни предпочитают переводить, другие – транскрибировать, т.е. объяснять реалию или игнорировать ее. Отметим, что слова и выражения, показывающие национальную окраску и выражающие национально-специфические реалии, упомянутые ранее, также считаются безэквивалентной лексикой и в языке оригинала переданы через прием транслитерации для сохранения колорита и передачи исторически точных понятий. М. Хиндус в своем произведении часто использует перифрастический прием. Автор вводит в рассказ устаревшее слово *holish* (голыш), которое употребляется в переносном смысле и означает нищего человека. В белорусско-/рускоязычной среде лексема имеет скорее негативную окраску и чаще используется людьми старшего поколения как разговорное клише. В английском языке не существует равнозначного эквивалента для передачи такого «подтекста» слова, поэтому автор сохраняет его форму, но при этом использует контекст как дефиницию, чтобы иностранный читатель мог догадаться о значении лексемы: *«In the old days if you called a man holish even if he was that he would smart with rage and want to spit into your face. It was such an insult to be called holish. Nowadays call a man holish, and even if he is well-to-do, he will be so flattered that he'll remove his hat, bow and thank you for the compliment. It is such an honor to be a holish»* [5, с. 146].

Стиль. Еще одной трудностью перевода может стать адекватная передача стилистики автора. В жанровом отношении «Красный хлеб» представляет собой смесь репортажа и путевой прозы, статистики и социологии; однако данный эффект во многом достигается употреблением большого количества социально-исторических терминов, обозначений достижений науки и бытовых реалий, ведь книга ориентирована на западного читателя, не знакомого с особенностями жизни крестьян во времена перестройки. При переводе с языка оригинала на родной язык, необходимость пояснять слова, отображающие национальный быт и колорит, отпадает, следовательно, теряется некая интрига самого произведения, его новизна, экзотичность. Для русскоязычного читателя, знакомого с белорусской культурой, произведение превращается, скорее, в мемуары и не несет исторической ценности. Перифрастический прием сосредотачивает внимание читателя на том или ином термине, что в переводе может звучать несколько затянато и не всегда актуально для русскоязычного адресата. Именно поэтому мы говорим о возможной частичной «потере» стиля.

Адекватная и понятная иностранному читателю передача исторических реалий является достаточно трудной задачей; переводческая деятельность усложняется, если мы говорим об эмигрантской литературе, написанной на неродном языке автора. Такой вид прозы требует применения особых переводческих стратегий.

Библиографические ссылки

1. Зиник З. Е. Существует ли эмигрантская литература? Зиновий Зиник о феномене литературной эмиграции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/km/2006/1/zz15.html> (дата обращения: 10.10.2018).
2. Кабанова И. В. Место Мориса Хиндуса в Американских репортажах из советской России 1920-1930-х гг. // Литература двух Америк, 2017. №3. С. 44-54.
3. Рубинс М. Ирэн Немировски. Стратегии перевода [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.peoples.ru/state/teacher/maria_rubens/ (дата обращения: 08.10.2018).
4. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М. : Издательский Дом «Филология Три», 2002. 416 с.
5. Hindus M. Red Bread. Collectivization in a Russian Village / M. Hindus. Indiana University Press, 1988. 372 p.

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ

Д. А. Цеван

Научный руководитель С. А. Давыдова, старший преподаватель

*Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь*

На протяжении всей человеческой истории во всех цивилизациях было принято индивидуализировать разнообразные предметы. У каждого человека и даже прирученного животного всегда было имя или хотя бы кличка, независимо от коллектива, в котором они живут.

Имена собственные играют особую роль при общении и во взаимопонимании между людьми. Они исполняют функцию межъязыкового, межкультурного мостика. В произведениях художественной литературы данные лексические единицы зачастую немаловажны, поскольку описывают характер персонажа, место жительства, род деятельности и его привычки, что позволяет лучше представить персонажа романа и глубже проникнуться идеей романа в целом.

Говоря об именах собственных (ИС), необходимо упомянуть о таком понятии как ономастика – раздел языкознания, изучающий имена